

*Посвящается любви поте-
рянной и любви, обретенной
вновь.*

*Любая дорога, по которой
я шел, приводила меня к тебе.*

Пауло Коэльо

Лето 2016 года, Сиэтл
Моим дорогим читателям

Эту книгу я начала писать много лет назад. Мысль об этом пришла ко мне однажды днем, когда я сидела в своем любимом кафе. По соседству со мной кто-то рассказывал о женщине, которая исчезла во время медового месяца, и я представила себе героиню моего романа, которая жила, казалось бы, в идеальных условиях, а потом внезапно потеряла все.

Я написала первую половину этой книги (вы прочтете ее очень быстро). Это была одна из тех историй, которые легко выстраиваются в строчки. Мне даже не приходилось придумывать, что скажут или сделают мои герои, — я уже знала это, и мои пальцы не успевали за мыслями.

Но когда я добралась до середины романа, внезапно осложнилась моя собственная ситуация. Я прошла через необычайно трудный отрезок жизни. Каждый день я думала только о том, чтобы

выжить и как-то сводить концы с концами. Мой привычный мир взрывался и рушился прямо у меня на глазах, а мне при этом еще надо было сдавать в печать другую книгу. Как ни печально, ведь я очень любила эту историю и ее героев, мне пришлось отложить «островной роман» в сторону.

Но даже после этого я не переставала думать о моих персонажах. Что станет с Шарлоттой, Эриком и Грэм? Может ли закончиться счастливым финалом этот душераздирающий, трагичный сценарий?

Более того, я до одержимости увлеклась Бермудским треугольником, этой загадочной и мистической зоной планеты, где пропадали суда, самолеты и люди, огромное количество людей.

Когда моя собственная жизнь снова пришла в норму, когда наконец улеглись все страсти — и слава богу, что это произошло, — я открыла в компьютере файл под названием «Я ВЕРНУСЬ К ТЕБЕ — ЧЕРНОВИК». И тоже вернулась к этой истории, этим героям. Снова погрузилась в мир Шарлотты. Я ходила вместе с ней по песчаным пляжам. Плакала с ней. Сопровождала ее во всех коллизиях ее жизни, делила с ней радости и беды. И получала от этого огромное удовольствие.

Я надеюсь, что и вам понравится история этой непростой жизни, и еще я надеюсь, что вы будете

твёрдо стоять на ногах, как бы ни швыряла вас жизнь, что вы обретете опору под ногами, как постепенно обрела ее я, — на песчаном берегу, на горной вершине или где-нибудь в промежутке между ними.

Желаю всем любви и интересной жизни, желаю вернуться на правильную тропу и идти вперед.

С любовью из Сиэтла,

целую и обнимаю,

Сара.

Г Л А В А 1

31 января 2037 года

Ночью мне снился остров. Я слышала, как плещутся о берег волны, теплый ветер ласкал мои щеки, в солоноватом воздухе витал нежный аромат плюмерий. Грэй тоже был там, он ждал меня на утесе — его глаза, ласковые и магнетические, завораживали меня.

Как ужасно просыпаться одной много лет. Я хотела вернуться на наш остров. Я была готова сделать что угодно, лишь бы вернуться туда.

— Тук-тук! — крикнула с порога Лесия.

Был ранний вечер, солнце стояло еще высоко. Лесия держала в руках поднос из нержавеющей стали. Вероятно, с жареной рыбой и овощами на пару. Если мне повезет, то будет еще сальса из манго.

— Пожалуйста, поешь, тебе надо поесть, — сказала она.

Я пожала плечами:

— Я не голодна, милая.

— Ты слишком похудела.

В мае мне исполнилось шестьдесят пять, и здесь, на острове Бермуда, я жила уже полжизни. Мне было тридцать с небольшим, когда я приехала сюда. Сначала обитала в симпатичном белом домике возле пляжа с розовым песком, а теперь в этом кондо. Здесь было нормально, даже хорошо. Три раза в день приносили еду. Горничные делали уборку. За моим бунгалом простирался океан. Что еще нужно для счастья? Я знала, что многие позабывали бы мне. Но я давно перестала ждать счастья, во всяком случае такого, какое большинство людей мечтают обрести на закате жизни. Я погладила ладонью драгоценный аквамарин, висевший у меня на шее. Считается, что он приносит удачу морякам. Какая ирония судьбы! Я улыбнулась.

— Я принесла новую книгу, — улыбнулась Лесия. Она знала, как я любила читать. Для меня это было спасением.

— Спасибо, — поблагодарила я.

Она положила роман на столик рядом с моим креслом. На обложке я увидела старинный корабль и женщину, вглядывающуюся в море. История про потерпевших кораблекрушение, мой любимый жанр. Лесия знала об этом. Я перевела взгляд на книжную полку, висевшую на стене, и попыталась прикинуть, сколько книг я прочитала за эти годы. Тысячи, не меньше.

Лесия полезла в карман и достала пачку сообщений. В прошлом апреле я отключила свой телефон. Теперь у администратора записывают все звонки, и аккуратные розовые записочки волшебным образом материализуются под моей дверью, сложенные в опрятные белые конверты. Я предпочитаю такой порядок. Зачем открываться миру, если я не хочу, чтобы меня беспокоили?

— Сегодня телефон звонил так, что едва не слетел со стены, — сказала Лесия, протягивая мне дюжину бумажек. Я просмотрела их: «Пипл», «Си-Эн-Эн», «Ю-Эс-Эй тудей». Через месяц будет тридцатая годовщина моего спасения. Я знала, что все хотели получить эксклюзивное интервью. Они хотели знать, как сложилась моя жизнь, думаю ли я до сих пор об острове. Думаю ли я до сих пор о *НЕМ*.

Я вздохнула и отдала бумажки Лесии.

— Нет, — сказала я. — Никаких интервью.

Она кивнула. Я заметила, что она была разочарована. Не секрет, что она думала, будто разговоры о моем прошлом помогут мне преодолеть депрессию, но я не была к этому готова. Честно говоря, я вообще не знала, буду ли я когда-либо готова. Лесия после некоторых колебаний вытащила из середины пачки один листок.

— Вот, — сказала она, протягивая его мне. — Его имя Джереми Эдвардс. Он из «Нью-Йорк таймс».

Я пожала плечами. Десять лет назад я отказалась от интервью с Опррой. Почему я должна делать исключение для «Нью-Йорк таймс»?

— Этот настойчивый, — сказала она. — Он звонил три раза.

— Скажи ему, что я сожалею, — сказала я. — Но интервью я не даю. — Я чувствовала усталость от всеобщего увлечения моей историей, которое периодически вспыхивало вновь и вновь. Это моя жизнь, а не оригинал фильма или даже не реалити-шоу длиной в жизнь.

— Хорошо, — сказала Лесия, вставая. — Но он сказал, что кое-что нашел. Говорил что-то про координаты острова и...

— Нет, — решительно отказалась я.

— Пожалуйста, — настаивала она, коснувшись моей руки. — Он сказал что-то про... — она сглотнула, — бабочек.

Я удивленно вытаращила глаза, но потом снова покачала головой.

— Это невозможно. Ты знаешь, что мы прочесали каждый дюйм в том квадрате. И бабочки... ну, нет, я не верю.

Лесия кивнула.

— Я знаю, — ответила она. — Но мне почему-то показалось, что он знает новые детали. — Она посмотрела на меня долгим взглядом. В ее зеленых глазах, таких добрых и терпеливых, я увидела настой-

чивость. — Может, нам стоило бы позвонить ему, — осторожно заметила она. — Просто чтобы узнать, что он может сказать. Просто посмотреть, не...

— Я так не считаю, — отрезала я.

— Ладно, — вздохнула она и напряженно улыбнулась. Направилась к двери. — Я вернусь утром.

После ее ухода я долго смотрела на поднос, потом отодвинула его. Потом надела сандалии и протянула руку за свитером. Под вечер усилился ветер, начинался прилив. Я шла по прибойной полосе и, как всегда, смотрела на песок — что море решит на этот раз выплеснуть на берег? За эти годы я находила здесь разные сокровища: пару розовых детских башмачков, связанных шнурками в тугий узел; одинокую вязальную спицу; пять золотых обручальных колец, на одном внутри была гравировка «Навечно любовь моя». Любит ли она его до сих пор?

Солнце клонилось к закату. По небу протянулись розовые полосы. Любители пляжных прогулок расходились, а я шла и шла, высматривая на песке кусочки лилового и темно-красного стекла. Края их были гладкие, они идеально подходили для мозаики, которую я выкладывала на кухонном столе. Вот я положила одну стекляшку в карман. Потом заметила зеленый камешек, подобрала и его. Впереди что-то блеснуло. Я подошла ближе. Бутылка. Зеленое стекло было мутным, и сначала я не поняла, лежало ли что-нибудь внутри. Я наклонилась, подняла ее и вы-

терла край рукавом свитера. Внутри лежала смятая бумажка. У меня громче застучало сердце, но я приказала себе ничего не ждать. За долгие годы я находила дюжины посланий в бутылках, но ни одного не было от НЕГО. Так почему сейчас будет иначе?

Все же я отнесла бутылку к большому камню, торчавшему над пляжем, и с нетерпением разбила ее. Разгребла осколки стекла и взяла свернутую бумажку. Мое сердце упало, когда я ее развернула. Чернила были смазаны. Кажется, я разобрала только «дорог...», да и то с трудом. Влажность испортила чернила. Но потом я перевернула бумажку и ахнула. На обратной стороне я увидел слова: «Контора Э.Э. Гантера». Я прижала бумажку к сердцу. Лишь один человек мог знать, что означали эти слова. Один. Только один. У меня сразу закружилась голова, и я села, недоверчиво качая головой.

По моей щеке скатилась слеза. Я крепко сжимала эту бумажку. Я не могла оторвать от нее глаз. *Возможно ли такое? Неужели он все еще там? Неужели он еще ждет?*

Я вспомнила, что говорила Лесия насчет репортера из «Нью-Йорк таймс», и повернула назад к моему бунгалю. Впервые я почувствовала надежду. Реальную надежду.

